

Русскоязычие и проблемы русскоязычной идентификации билингвов

Познякова Татьяна Юрьевна, старший научный сотрудник ИРЯ РАН

Говоря о "русскоязычии", мы прежде всего должны думать о его "носителях" - т.е. о тех людях, для которых русский язык не является их этническим языком, но "дан" им как второй язык, - иначе говоря, билингвах. Понимая "русскоязычно" таким образом, мы поступаем правильно, т.к. говорящих по-русски билингвов значительно больше, чем "исконных" носителей русского языка, для которых он является родным, этническим и (часто) единственным их языком.

Понятно, что "успешность" изучения, развития и сохранения русско-язычия (т.е., в конечном счете, "русскоязычной" политики) зависит от того, знаем ли мы, как билингвы относятся к русскому языку. Или - поскольку в социолингвистике такое отношение называется "языковой самоидентификацией личности" - как русскоговорящие билингвы идентифицируют не только свой русский язык, но и себя с ним. Исследование русскоязычной самоидентификации дает ответ на главный вопрос - "В каких формах существует русский язык при двуязычии?" - без которого невозможны ни лингвистически грамотное языковое планирование, ни прогнозирование судьбы русского языка вне исконной территории его распространения. Невозможны потому, что лишаются основания и теряют первопричину.

Этот вопрос становится научной проблемой, требующей социо- и психолингвистического решения, по двум причинам: 1) можем ли мы извлечь какие-либо данные о формах существования русского языка при двуязычии из хорошо апробированных социолингвистических опросов и анкетирования, которые дают нам полезные сведения о функциональных параметрах русскоязычия (распределение сфер общения между двумя языками, степень владения русским языком и др.) - т.е. нужно ли исследовать языковое (в нашем случае - русскоязычное) сознание личности или же ограничиться ее, образно говоря, русскоязычной деятельностью - тем, где и как пользуются русским языком билингвы; 2) идентичен ли русский язык монолингвов русскому языку билингвов - т.е. какой язык мы исследуем при русскоязычии.

Нисколько не сомневаясь в необходимости и пользе социолингвистических опросов, хочу обратить ваше внимание, что, задуманные для других целей, они исследуют "симптоматику" русскоязычия, но не его причины -и по своей природе не могут дать объективных сведений о том, носителем какого именно русского языка являются опрашиваемые. При интерпретации таких сугубо функциональных данных как указаний на формы существования русского языка в том или ином двуязычном регионе всегда велик риск получить "социолингвистические мнимости". Так, в одном из пилотажных опросов, проведенных в Ошской области Киргизии, все опрошенные узбеки указали, что они свободно владеют киргизским, узбекским и "русским языками". Интересно, что точно в такой же последовательности отвечали и русские, проживающие там. Однако из этого совсем не следует, что киргизский является родным языком для всего населения области, а русский существует лишь в форме неродного языка.

Обычно на языковом сознании информантов внимание исследователя сосредотачивается только в одном случае - когда речь идет о родном языке - и тогда говорят об "этноязыковом самосознании человека" и о "символической идентификации себя со своим этносом" (сошлюсь на работы В.М.Алпатов, Н.Б.Мечковской и др.). Но языковое сознание личности (билингва ли, монолингва ли) не сводится к этносимволической функции - в нем есть, конечно, идеалы и желаемое, но есть и интенции, предпочтения, представления и оценки - т.е. отношение личности с ее и к ее языку (языкам). Например, 87% опрошенных в 1997 г. хантов назвали родным языком

русский, а свой этнический язык определили как "язык предков"; по данным проф. Н.С.Джидалаева, 57,4% опрошенных им дагестанцев, полностью перешедших на русский язык, называют его "хлебным языком", при этом подавляющее большинство в однопациональной сельской местности отметило, что родному языку не нужно специально учиться.

Как видим, у билингвов языковое сознание обращено равным образом и к русскому языку: он оценивается, представления о нем выражены в образе, а главное – каждый отдельный человек (т.е. люди, из которых складывается коллектив русскоговорящих) сразу же стремится самоопределиться в отношении русского языка (т.е. идентифицировать его), называя его родным, неродным или "хлебным", "нужным" либо "ненужным". Между тем, русский язык билингвов в подавляющем большинстве исследований аргументируется как неродной. Это не соответствует действительности: определения русского языка как второго родного или же как иностранного при анкетировании составляют каждый раз 5% от общего числа ответов. Серия опросов 1998-2002 гг. русскоязычных информантов, которым было предложено "обозначить отношение к двум их языкам", показала, что русский язык существует для билингвов в "ипостасях", не привычных для монолингвального сознания: во-первых, их больше, чем это представляется носителю национального русского языка; во-вторых, отношение к ним иное. Например, в 2000 г. из 33 информантов (разных национальностей и с разными родными языками) только 15 человек назвали русский неродным языком, как к родному к нему отнеслись 10 человек (из них 8 человек определили свое отношение словами "второй родной"), 6 человек признали его иностранным и 3 человека отказались отвечать. Однако самое интересное в таких опросах - "двойные ответы": калмык, татарин, армянка и два марийца определили их русский язык и как неродной, и как второй родной; а при явном предрасположении грузинско-русского, украинско-русского, армянско-русского, калмыцко-русского и литовско-русских билингвов определить свое негативное отношение к русскому языку как к "чужому", навязанному, он был признан ими сразу и неродным и иностранным. Конечно, такие "двойные" ответы обычны при социолингвистических опросах: например, в проведенном в 1993-1999 гг. Тестировании русскоязычных билингвов они составляют 6,3%. Но указывают они не, как принято считать, на идентификационные затруднения "обыденного", "наивного" и т.п. языкового мышления лингвистически не образованных информантов, а на то, что в языковом сознании билингвов каждая из форм существования русского языка ("неродной", "иностранной", "второй родной") обладает своей системой опознавательных и дифференцирующих признаков, не позволяющих, например, "неродному" и "иностранному" становиться синонимами (как это происходит в случае монолингвального развития личности), а "второму родному" превращаться в комплиментарное иносказание.

Модели языковой идентификации билингвов, построенные на действии стереотипа "свой - чужой", хотя и типологизируют мотивации языкового выбора, оказываются бессильными перед такой, например, русскоязычной самоидентификацией: Я армянка. Но и русский - родной для меня: это и детство, и юность, и любовь... Вообще - это огромная часть моей жизни. А семья и корни - это о родном армянском (информант-армянка, русский - второй родной язык); или же перед суждением Давида Кугультинова о русском языке: Русский язык для меня, можно сказать, второй родной язык. Первый - это мой калмыцкий, который я унаследовал от своих предков. А второй - язык, данный мне временем. С помощью русского языка я живу в этом веке, в моем времени. Он - моя сознательная жизнь, без него я был бы нем... был бы вне времени. Это не реверанс в сторону великого языка, а констатация истины. Русский как второй родной язык определяется здесь не по национальной принадлежности информантов, не по происхождению и воспитанию, не по уровню владения и образования, но на основе

образных представлений о языке как сознательной жизни, моем времени, о "данности", которая спасает от немоты в этом веке. Заметим, что с первым родным языком сознание билингва связывает совсем другие идеи - наследие и предки. Подобную же нейтрализацию всех обязательных признаков родного языка: степени владения, объема использования, порядка усвоения, "первичности" и др. - мы обнаруживаем и в автобиографической прозе Тимура Пулатова, Фазиля Искандера, Ювана Шесталова, Чингиза Айтматова, и в педагогических записках Айдара Халима, и в эссе Атнера Хузангая и Гасана Гусейнова.

Именно такие "идентификационные затруднения" заставляют нас признать, что билингв "думает" о русском языке и определяет свое отношение к нему в каких-то других категориях. Совсем недавно проф. Байрамова сообщила мне, что при анкетировании на филологическом факультете Казанского ун-та многие студенты-лингвисты (т.е. знакомые с понятиями "неродной", "второй родной", "иностранной") отказались определять свой русский язык в этих категориях, предпочтя им описательные конструкции - язык сознательной жизни, основной, но второй, нужный по жизни, свой второй, мой другой, отцовский язык. Интересно, что изучаемые ими языки (в том числе и турецкий) не вызвали никаких затруднений и легко идентифицировались как "иностранные" и "чужие".

Дело в том, что все эти категории принадлежат научному мышлению, то есть сознанию исследователя, являясь инструментами познания. А во всяком исследовании - главное, говоря словами Платона, чтобы инструмент не отбрасывал тени на познаваемый объект. При изучении русскоязычия есть только один способ не попасть в эту интеллектуальную ловушку - выявить существующее в билингвальном сознании системы идентификационных признаков той или иной ипостаси русского языка и сделать их "опознавательными". Только по ним мы можем распознать, с какой формой существования русского языка при двуязычии имеем дело. Для этого наиболее приспособлен другой способ сбора информации - интервью (разумеется, с последующим контентанализом полученных суждений и аргументации). Как показывают интервью, полученные от 457 информантов, данные которых верифицированы на отдельно образованной так называемой "референтной группе", куда вошли авторитетные носители русскоязычия - писатели, лингвисты, деятели культуры - языковое сознание монолингва "двумерно": он "оценивает" языки по двоичной системе "свой - чужой", "родной - неродной" и т.п., а языковое мышление (по выражению Е.Д.Поливанова) билингва многомерно: его русскоязычная идентификация основана не на оценках, а на распределении комплексов образных представлений между языками; а отношение же к русскому языку зависит от того, с какой областью значений он ассоциируется в первую очередь. Например, только первый родной язык характеризуется в терминах родства, в соотношении с родителями и предками, но только по мужской линии (есть "язык дедов и отцов", но нет "языка бабушек и матерей"). Со вторым родным связаны представления о языке-ментальной сущности, которые реализуются в трех образных системах, когда русский язык описывается как память, как "знание/сознание" и как "опыт", приобретая тем самым временные характеристики - в отличие от пространственной атрибутики первого родного языка, который сравнивается с "землей", "почвой", "природной средой". Первый родной язык мыслится как некая психологическая сущность, в одном ряду со словами "душа", чувство", "ощущение", "детство", "небо"; второй родной ассоциируется с "духом", "разумом", "сознательной жизнью", "творчеством".

Типичным контекстом такой интерпретации двух родных языков является фрагмент интервью белорусского писателя Виктора Козько: "Один и тот же текст одновременно прокручивался НА ДВУХ ЯЗЫКАХ, БЛИЗКИХ И РОДНЫХ... ЗА РУССКИМ стояла ПОЛОВИНА ЖИЗНИ - СОЗНАТЕЛЬНОЕ НАЧАЛО ее..., ЗА БЕЛОРУССКИМ -

ДЕТСТВО, НЕБО над головой, КОРНИ. Поэтому "Судный день" писался одновременно и на русском и на белорусском языках. Там, где шло ВПИТАННОЕ С ДЕТСТВА, где мне ничего НЕ НАДО БЫЛО ПРИДУМЫВАТЬ, а только ВСЛУШИВАТЬСЯ В СЕБЯ, там возникал БЕЛОРУССКИЙ, а где необходимо было ПРИПОДНИМАТЬСЯ НАД материалом, ОСМЫСЛИВАТЬ рассказанное -РУССКИЙ". С неродным русским языком ассоциируются в первую очередь "полезные" и инструментальные признаки "средства общения" - пользы, необходимости, нужности, удобства, трудности, умения. В Дагестане он, например, часто характеризуется как "хлебный язык". С этим комплексом представлений связана и идея собственности, которая позволяет "усвоить" и даже "присвоить" русский язык, и производное от нее отношение к неродному языку как к "своему" и "другому", но не к "чужому". Чужим может быть только иностранный русский, с которым связаны представления об "отчуждении", "навязывании" или "освобождении" от него.

Заметим, кстати, интересную особенность языкового опыта билингва: неродной язык ни в одном из интервью не имеет порядкового номера (* мой первый/второй/третий неродной язык) - тогда как родных языков может быть два, а иностранных сколь угодно много. При этом неродной русский описывается по отношению к коллективному пользователю, но не индивидуальному: служит людям/народам, для общения между нациями/людьми/ народами и т.п.

Наделенный атрибутами сознания, психической деятельности, второй родной русский язык связывается с областью значений, выражающих психологию личности, и описывается по отношению к индивидуальному пользователю, противопоставляясь (часто демонстративно) представлению о неродном языке как средстве или инструменте общения.

Есть все основания говорить о наличии в языковом сознании билингва единой модели языковой идентификации, а не, как принято считать, разнообразных комбинаций разнородных признаков русского языка. Эта модель задает три "отношения" (или языковых аттитюда) к русскому языку, которые могут служить объективными критериями при социолингвистическом прогнозировании, т.к. не зависят ни от субъективной точки зрения исследователя, ни от этносоциальных установок общества.

Русский язык в языковом опыте билингва может: 1) входить, по выражению Ю.Д.Апресяна, в "личную сферу говорящего" как неотъемлемое свойство личности – и тогда он заявляется в различного рода анкетах и интервью как второй родной язык; 2) быть исключен из личной сферы билингва как "средство общения", нужное для социализации говорящего - и тогда он осмысливается как "полезный", "нужный", а при опросах указывается как неродной язык; 3) быть отчужден от личности говорящего, когда билингв "освобождает" себя от "навязанного языка", превращает бывший когда-то "своим - другим" язык в "чужой", "язык оккупантов", или же противопоставляет ему свой суверенный/государственный/родной/ национальный язык - и тогда в анкетах он указывается как иностранный.

Эта же модель требует исследовать русский язык не только как "средство межнационального общения", адаптированное к общественным нуждам, а как составляющую языковой личности билингва, определяющую его русскоязычное существование. Тем более, что сфера языковой идентификации личности до сих пор не поддается государственному регулированию и мало регламентируется законами о языках. Несмотря на предпринятые в ряде республик и государств меры давления на языковое сознание граждан, эта единственная нерегулируемая сфера остается и единственно объективным показателем реального существования русскоязычия.

В ответственных социолингвистических вопросах было бы опрометчивым игнорировать языковое сознание личности, обследуя только бытование русского языка.

Полученные "функциональные" данные необходимо каждый раз проверять на основании выборки контрольной группы респондентов. И если большинство полученных русскоязычных идентификаций указывает, что русский язык в обследуемом регионе существует как иностранный, - значит, мы имеем дело с альтернативным (а в будущем - с учебным русскоязычным). В соответствии с этим мы должны строить языковое планирование. Если же большинство идентифицирует свой русский язык как неродной, то это безальтернативное (или усвоенное) русскоязычие, от которого зависит и выбор языковой политики. Наконец, если случится, что идентификации русского как родного (или второго родного) превышают признания его неродным, то мы должны поздравить себя: при таком естественном (или, по Яну Амосу Коменскому, "природосообразном") русскоязычии совершается другая жизнь нашего языка, ибо только билингву дано видеть русские слова по-новому и в иных соположениях, чем это предстает языковому сознанию русского монолингва.

Примером может служить русский язык Геннадия Айги, его особое видение русского языкового пространства и выработка особой "русскоязычной" метасемантики и метаграмматики. Именно об этом говорит Андрей Битов в статье "Экология слова": "Дело в том, что те "национальные" писатели, которые зарекомендовали себя в нашей литературе как пишущие по-русски, имеют заслуги во всем, кроме самой русской речи. Они талантливы, пластичны, экзотичны... - но их русский язык как бы не принадлежит им лично (выделено автором - Т.П.): он достигает лишь некоего общелитературного качества и этим ограничивается... Иногда мне кажется, что Пулатов может писать как хочет, ...вступать в различные стилевые эпохи, ставшие уже и достоянием истории литературы, как в собственные периоды... А язык будет дышать так, словно связь времен обнажена, словно язык и есть эта связь, словно мы не приговорены к вороватому говорку сиюминутной, отпущенной нам речи."